

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

О перстосложении для крестного знамения и благословения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1904. № 3. С. 378-405.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

О ПЕРСТОСЛОЖЕНИИ

ДЛЯ КРЕСТНАГО ЗНАМЕНІЯ И БЛАГОСЛОВЕНІЯ *).

VI.

Какое перстосложеніе было принято при крещеніи Руси?

НА этотъ вопросъ проф. Каптеревъ и проф. Голубинскій даютъ отвѣтъ въ пользу двуперстія, первый на основаніи свидѣтельства Абулфараджа, второй—Θеоріана. Но такъ какъ эти свидѣтельства, какъ мы видѣли выше, еще не даютъ основаній для безспорныхъ выводовъ о формѣ перстосложенія въ Константинополѣ, то не можетъ быть дано рѣшительнаго отвѣта и по отношенію къ нашему вопросу. Возможно, что оба перстосложенія, т. е. двуперстіе и троеперстіе, проникли на Русь сразу; возможно, что какое-нибудь одно предупредило другое. Но во всякомъ случаѣ остается вопросомъ, *какой формы* было это первоначальное русское двуперстіе. Раскольники, утверждая, что при св. Владимірѣ принято двуперстіе, думаютъ, что послѣднее имѣло ту форму, которая заповѣдана въ московскихъ книгахъ, изданныхъ при патр. Іосифѣ. Въ доказательство этого они ссылаются на св. мощи и главнымъ образомъ на иконы, относящіяся, по ихъ соображеніямъ, ко времени св. Владиміра и его преемниковъ, ближайшихъ и дальнѣйшихъ. Но такъ какъ на этихъ иконахъ перстосложеніе не одинаковое: есть не только формы двуперстія, троеперстія и имепословія, но и нѣчто среднее между этими перстосложеніями,—то православные полемисты издавна признавали ссылку на эти «вещественныя» свидѣтельства нерѣшительной, тѣмъ

*) Окончаніе. См. февраль.

болѣе, что не всегда можно доказать принадлежность иконы къ извѣстному вѣку и ея непоновленность. По новѣйшимъ розысканіямъ ¹⁾ этотъ вопросъ должно рѣшать уже прямо отрицательно. Оказывается, что по своему происхожденію и первоначальному значенію перстосложенныя руки на иконахъ составляютъ символъ или условный, принятый иконописцами, знакъ того, что лица, изображаемыя на иконахъ съ такими руками (Спаситель или какой-либо святой), должны быть представляемы нами какъ говорящія (благовѣствующія, проповѣдующія).

Обычай употреблять перстосложенныя руки какъ символъ или условный знакъ того, что изображаемое лицо должно быть представляемо говорящимъ, или обычай изображать говорящаго лица съ перстосложенными руками, введенъ еще живописцами дохристіанскими и взятъ ими съ живой дѣйствительности. Ораторы греческіе и римскіе, восходя на каѳедру, приглашали слушателей къ молчанію и вниманію и вмѣстѣ привѣтствовали ихъ посредствомъ поднятія и потрясанія перстосложенной руки, а равнымъ образомъ и во время самаго произнесенія рѣчей жестикულიровали посредствомъ разнообразнаго перстосложенія. Сохранились до настоящаго времени списки классическихкихъ или языческихкихъ произведеній, украшенныхъ миниатюрами, на которыхъ лица говорящаго изображены съ поднятыми и перстосложенными руками совершенно такъ, какъ это на иконахъ и вообще на живописныхъ изображеніяхъ христіанскихъ; таковы напр. творенія Гомера, находящіяся въ миланской бібліотекѣ, и Энеида Вергилія, находящаяся въ ватиканской бібліотекѣ.

«Что въ христіанской иконографіи перстосложенныя руки первоначально употреблялись съ тѣмъ же значеніемъ, съ какимъ онѣ употреблялись въ иконографіи дохристіанской, на это мы имѣемъ прежде всего словесныя свидѣтельства. Павелъ Силенціарій въ своемъ описаніи юстиніановой св. Софіи говоритъ объ изображеніи Спасителя на одной изъ алтарныхъ завѣсь, что Онъ представляется (изображенъ) протягивающимъ персты правой руки, какъ-бы вѣщающій (въ знакъ того, что вѣщаетъ) присноживой глаголь». Имѣемъ на это и свидѣтельства вещественныхъ памятниковъ. Въ вѣнской императорской

¹⁾ Собраны проф. Е. Е. Голубинскимъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1902 годъ.

библіотекѣ находится отрывокъ написаннаго въ IV—V вѣкѣ Пятокнижія Моусеева, украшеннаго миниатюрами, которыхъ сохранилось 24. «На миниатюрахъ этихъ, представляющихъ текстъ Пятокнижія въ лицахъ, есть очень не малое количество перстосложенно-протянутыхъ рукъ, и нѣкоторыя изъ этихъ рукъ, устраняя предположеніе, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ вольностію живописца, который ветхозавѣтнымъ лицамъ усвоилъ христіанскій образъ благословенія и молитвы, съ неоспоримою ясностію показываютъ, что онѣ не суть руки благословляющія или молебныя, а руки служащія знакомъ того, что лица, которымъ онѣ принадлежатъ, изображены какъ говорящія». Изображены Исавъ и Иаковъ, изъ которыхъ первый продаетъ второму свое первенство: Исавъ съ протянутой перстосложенной рукой; ясно, что Исавъ не благословляетъ Иакова и не молится на него, а говоритъ ему. Изображенъ Иосифъ, разсказывающій своимъ братьямъ видѣнный имъ сонъ: Иосифъ съ протянутой перстосложенной рукой; ясно, что онъ не благословляетъ братьевъ и не молится на нихъ, а говоритъ имъ. Изображены братья Иосифа, стоящіе предъ нимъ послѣ того, какъ у нихъ въ мѣшкахъ найдены были деньги: Иосифъ съ перстосложенно-протянутой рукой,—ясно, что онъ говоритъ братьямъ. Изображено паденіе Лота съ дочерьми,—и тутъ перстосложенно-протянутыя руки. На миниатюрахъ ясно видно, что и перстосложенная рука изъ облака, по своему первоначальному значенію, не есть рука благословляющая, а рука, служащая знакомъ того, что Богъ говоритъ. Изображено грѣхопаденіе Адама и Евы и надъ ними рука изъ облака; ясно, что Богъ не благословляетъ Адама и Еву за грѣхопаденіе, а обличаетъ ихъ въ немъ. Пророки, до сихъ поръ изображаемые на иконахъ съ перстосложенно протянутыми руками, собственно не благословляютъ и не молятся, а пророчествуютъ, т. е. ихъ руки—знакъ того, что пророки изображаются пророчествующими. Извѣстны примѣры древнихъ скульптурныхъ и въ собственномъ смыслѣ иконографическихъ памятниковъ, на которыхъ первоначальное значеніе перстосложенно-протянутыхъ рукъ, какъ символа или условнаго знака, что лица изображены говорящими, представляется яснымъ съ совершенною безспорностію. Вотъ нѣкоторые примѣры. «Барельефъ на одномъ саркофагѣ изображаетъ исцѣленіе Спасителемъ двухъ слѣпыхъ; представлены Спаситель, слѣпые и два апостола; рука Спасителя на головѣ одного изъ слѣпыхъ;

однѣ изъ апостоловъ съ перстосложенно-протянутой рукой, обращенной къ Спасителю; ясно, что апостоль говоритъ Спасителю, а не благословляетъ Его. Барельефъ на другомъ саркофагѣ изображаетъ исцѣленіе Спасителемъ кровоточивой; представлены Спаситель, кровоточивая и однѣ изъ апостоловъ; у Спасителя и апостола, обращенныхъ другъ къ другу, руки перстосложенно протянуты; ясно, что они разговариваютъ. На одной фрескѣ изображено обличеніе Спасителемъ отрекшагося отъ Него апостола Петра: Спаситель съ перстосложенно-протянутой рукой, обращенной къ Петру; ясно, что Онъ не благословляетъ Петра, а говоритъ ему, т. е. держать обличительную рѣчь къ Петру».

На перстосложенныя руки на иконахъ и вообще священныхъ изображеніяхъ начали смотрѣть, какъ на руки *благословляющія*, по заключенію ученыхъ, не ранѣе XI в. Изъ XII вѣка указываютъ свидѣтельство, которое уже усваиваетъ перстосложеннымъ рукамъ благословляющее значеніе,—приписку къ статьѣ: «О фрязѣхъ и прочихъ латынѣхъ». Но въ извѣстномъ Менологій импер. Василія Болгаробойца, относящемся къ концу X—началу XI вѣка, руки эти употребляются еще съ своимъ первоначальнымъ значеніемъ символа лицъ говорящихъ ¹⁾. Затѣмъ на перстосложенныя руки, какъ на руки *молебныя*, стали смотрѣть, вѣроятно, около половины XV вѣка. Это предполагаютъ на томъ основаніи, что до половины XV вѣка молились посредствомъ воздѣянія рукъ, при чемъ положеніе на себѣ креста было только добавочнымъ дѣйствіемъ, предварявшимъ или заканчивавшимъ руковождѣтельную молитву; въ виду этого, нужно заключать, что до того времени молящіеся и изображались просто съ воздѣтыми руками, безъ перстосложенія.

Изъ всего сказаннаго видно, что раскольники не могутъ ссылаться на иконы не только въ доказательство того, будто бы двуперстіе въ первобытной христіанской Руси было исключительнымъ обрядомъ, но даже и въ доказательство того, что оно

¹⁾ Что перстосложенныя руки въ Менологій не суть руки благословляющія, а служащія условнымъ знакомъ лицъ говорящихъ, это видно и изъ слѣдующаго: а) рисунки Менологій, какъ и его текстъ, представляютъ одно цѣлое, произведенное въ одно время и нѣсколькими пенмогими лицами подъ однимъ чѣмъ-либо смотрѣніемъ; между тѣмъ перстоположеніе въ немъ не одно и то же на всѣхъ рукахъ, а разное; б) есть рисунки, на которыхъ нѣсколько лицъ представлены съ перстосложенными руками и у всѣхъ лицъ перстосложеніе разное, т. е. у каждаго лица свое особое.

употреблялось наряду съ перстосложеніемъ иной формы. Не только на иконы X вѣка и раннѣйшія, но и на иконы позднѣйшія совсѣмъ нельзя ссылаться въ археологическихъ розысканіяхъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія или благословенія; даже постѣ того, какъ на перстосложенныя руки на иконахъ стали смотрѣть какъ на руки благословляющія и молебныя, иконописцы могли долго еще воспроизводить со старыхъ иконъ прежній способъ изображенія перстосложенія, т. е. какъ символъ лицъ говорящихъ—чисто механически и по традиціи. Что дѣйствительно на иконахъ встрѣчается перстосложеніе, которое по своему первоначальному значенію не было перстосложеніемъ благословляющимъ или молебнымъ, и что таково же по своему происхожденію и старообрядческое двуперстіе, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Есть изображенія,—напр. на мозаическихъ иконахъ въ константинопольскомъ храмѣ св. Софій, созданномъ императоромъ Юстиніаномъ, на фрескахъ XII вѣка въ соборѣ Старой Ладогѣ, на чудотворной иконѣ московскаго Единовѣрческаго монастыря, — гдѣ указательный перстъ и мизинецъ простерты, а два среднихъ перста и великій совокунлены и пригнуты къ ладони. Самы раскольники, не скажутъ, конечно, что это рука молебная или благословляющая; а изслѣдователи поясняютъ, что по свидѣтельству Квинтиллиана такое перстосложеніе употреблялось въ качествѣ ораторскаго жеста еще греческими и римскими ораторами. Затѣмъ, весьма часто встрѣчается на иконахъ перстосложеніе, въ которомъ указательный и великосредній протянуты, малосредній и мизинецъ пригнуты къ ладони, а большой палецъ приложенъ концомъ ко второму составу четвертаго пальца; раскольники хотятъ видѣть въ такихъ изображеніяхъ свидѣтельство въ пользу своего двуперстія; но въ дѣйствительности это «двуперстіе» далеко не похоже на старообрядческое и есть на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ остатокъ древняго ораторскаго приѣма, о чемъ свидѣтельствуєтъ тотъ же Квинтиллианъ. Наконецъ, весьма часто встрѣчается на иконахъ и точно такое «двуперстіе», какое нынѣ содержатъ раскольники; но оказывается, что въ Менологіи императора Василія Болгаробойца оно употребляется въ качествѣ перстосложенія, служащаго символомъ лицъ говорящихъ.

Точно также и православнымъ въ ихъ полемикѣ съ расколомъ лучше совсѣмъ не ссылаться въ защиту православнаго перстосложенія на иконныя и другія какія-либо изображенія,

и если дѣлать это, то съ большою осторожностію и осмотрительностію. Причина та же самая: напр., въ упомянутомъ Менологѣи есть форма сложеній—и «троеперстія» и «именословія»; но ни первое не есть перстосложеніе для крестнаго знаменія, ни второе—для благословенія. Изображенныя тамъ руки—не молебныя и не благословляющія, а суть руки говорящихъ лицъ.

Что касается св. мощей, то указываютъ на почивающія въ Кіевскихъ пещерахъ мощи угодниковъ Божіихъ, жившихъ въ XII вѣкѣ: въ первой его половинѣ преп. Спиридона-просфорника, и во второй—Ильи Муромца; рука послѣдняго сложена такъ: два послѣдніе пальца пригнуты къ ладони, указательный и великосредній протянуты, большой протянуть и приложенъ внутрь втораго и третьяго; рука перваго еще ближе къ троеперстію. Такимъ образомъ и древнѣйшія мощи не говорятъ въ пользу двуперстія, такъ что раскольническая ссылка на нихъ является совершенно несправедливою.

VII.

Перстосложеніе въ русской церкви въ XV—XVII вѣкахъ.

Первыя письменныя свѣдѣнія о перстосложеніи въ русской церкви встрѣчаются не ранѣе конца XIV или начала XV вѣка. Фактъ состоитъ въ томъ, что въ это время двуперстіе вступило въ борьбу съ троеперстіемъ. Свидѣтельства объ этой борьбѣ даютъ намъ два памятника: «Чинъ приятія хвалисянь» и статья—«Отъ апостольскихъ заповѣдей».

Названный «Чинъ» находится въ древлеписьменныхъ Кормчихъ и озаглавляется полностью такъ: «Чинъ, аще кто въ ереси бывъ, крещень сый и къ Богу обратится, любо хвалисянь, любо жидовинъ, любо кый еретикъ». Въ этомъ чинѣ есть слѣдующее изреченіе: «Иже не крестится двѣма персты, якоже и Христось, да будетъ проклять». Въ первый разъ оно встрѣчается въ одной южно-русской Кормчей конца XIV или начала XV вѣка. Мнѣнія ученыхъ о происхожденіи этого изреченія не одинаковы. Одни ученые думаютъ, что изреченіе «русскаго происхожденія» и внесено въ «Чинъ приятія хвалисянь» въ противовѣсъ монофизитскому единоперстію. Другіе, напротивъ, считаютъ это изреченіе по его происхожденію «греческимъ», полагая, что оно было вызвано борьбою двуперстія съ троеперстіемъ. Такъ, по этому объясненію, было въ Греціи, съ тою же цѣлью изреченіе перенесено и въ Рос-

сию. Для насъ этотъ спорный вопросъ о первоначальномъ происхожденіи изреченія не столь важенъ. Для насъ важнѣе установить значеніе изреченія въ устахъ русскихъ православныхъ именно того времени, о которомъ намъ прямо и ясно говорятъ памятники. Дѣло въ томъ, что если Кормчая, въ которой въ первый разъ встрѣчается изреченіе въ защиту двуперстія, относится, по изысканіямъ ученыхъ, къ концу XIV или началу XV вѣка, то отъ конца XIV или начала XV вѣка мы имѣемъ подобное же изреченіе и въ защиту *троеперстія*. Разумѣемъ такъ называемый «Пансіевскій сборникъ», нѣкогда принадлежавшій библиотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а нынѣ хранящійся въ С.-Петербургской духовной академіи. Въ этомъ памятникѣ въ статьѣ «Отъ апостольскихъ заповѣдей» сказано: «аще кто не крестится *тремя* персты, да будетъ проклятъ». Надо думать, что эти слова были отвѣтомъ на вышеназванное изреченіе въ пользу двуперстія.

Во второй половинѣ XV вѣка борьба между троеперстниками и двуперстниками усилилась. Памятниками этого являются сборникъ Соловецкаго игумена Досноя, относящійся къ 1460 году, и сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго инока Евфросина, писанный около 1490 года. Первая рукопись находится въ Казанской академіи и поступила туда изъ Соловецкой библиотеки, вторая—въ библиотекѣ С.-Петербургской академіи и поступила въ нее изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Въ первомъ памятникѣ мы читаемъ «Слово святаго Θεодорита, како благословити и креститися», во второмъ—цѣлую статью «Како подобаетъ крестити рукою». Оказывается, что по поводу происходившихъ тогда споровъ о перстосложеніи какой-то грамотѣй составилъ и выпустилъ въ свѣтъ подложное «Θеодоритово слово», въ которомъ доказывалъ, что крестное знаменіе нужно совершать *тремя* перстами. Но скоро нашлись книжники, которые заявили, что «Θеодоритово слово» заповѣдуетъ креститися *двумя* перстами. Сборникъ Досноя гласитъ: «сице благословити и креститися рукою: три персты равны имѣти вкупѣ по образу троическу: Богъ Отець, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святыи... а два перста имѣти наклоненна, а не распростера, и тѣмъ перстамъ указъ тако: то образуетъ два естества, божество и человѣчество», т. е. во Исусѣ Христѣ. Тутъ заповѣдуются, очевидно, троеперстіе. Но въ сборникѣ инока Евфросина утверждается, что «Θеодоритъ научаетъ» креститися *двумя* перстами. Ясное дѣло, что еще

въ XV вѣкѣ двуперстники рѣшили употребить на борьбу съ своими противниками собственное оружіе послѣднихъ. Скажемъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе.

«*Θеодоритово слово*» напечатано въ «*Братскомъ Словѣ*» за 1876 годъ; помѣщенныя здѣсь 16 рукописей и два печатные текста даютъ три редакціи. Что касается ученыхъ обследованій этого памятника, то существуетъ нѣсколько предположеній относительно его происхожденія. По своей основательности болѣе заслуживаютъ вниманія тѣ изъ нихъ, которыя полагаютъ, что «*Θеодоритово слово*» было вызвано полемическою цѣлью, когда возникла борьба между двуперстіемъ и троеперстіемъ. Кѣмъ первоначально написано это «*Слово*», троеперстникомъ или двоеперстникомъ, и почему названо *Θеодоритовымъ*, относительно этого ученые думаютъ не одинаково. Одни полагаютъ, что «*Слово*» написано первоначально защитникомъ двуперстія; но такъ какъ двуперстіе было обычаемъ новымъ, а троеперстіе—общеупотребительнымъ и издревле наслѣдованнымъ, то составитель не могъ еще вполне отрѣшиться отъ представленія о троеперстіи и потому изложилъ свое наставленіе такъ, что оно «болѣе благопріятствуетъ троеперстію, нежели двуперстію». Другіе, наоборотъ, думаютъ, что «*Θеодоритово слово*» первоначально было написано троеперстникомъ; а относительно наименованія «*слова*» *Θеодоритовымъ* предполагаютъ, что оно окрещено именемъ «святаго *Θеодорита*» однимъ изъ его первыхъ переписчиковъ на томъ основаніи, что взято было имъ или изъ рукописи твореній *Θеодорита Киррскаго*, или—изъ рукописи, въ которой читалось вслѣдъ за *вытисками* изъ твореній того же *Θеодорита*. Наконецъ, третьи высказываютъ ту остроумную мысль, что «*Θеодоритово слово*» представляетъ собою не что иное, какъ толкованіе или объясненіе извѣстнаго *Θеодоритова* ¹⁾ сказанія о *Мелетіѣ Антиохійскомъ*, какъ онъ посредствомъ перстовъ изъяснилъ аріанамъ догматъ Св. Троицы,—объясненіе, сдѣланное неизвѣстнымъ писателемъ въ пользу троеперстія въ то время, когда у насъ появились споры о перстосложеніи, и потому именно, что сказанію о *Мелетіи* тогда дана была редакція, благопріятствующая болѣе двуперстію, чѣмъ троеперстію. Во всякомъ случаѣ можно признать доказаннымъ, что «*Слово*»

¹⁾ Т. е. историка *Θеодорита*, почему это „объясненіе“ и названо „словомъ *Θеодоритовымъ*“.

появилось на Руси, въ то время, когда возникли здѣсь споры между троеперстіемъ и двуперстіемъ и что въ первый разъ оно встрѣчается въ сборникѣ 1460 года. Въѣсть съ тѣмъ нельзя оспаривать и то, что въ древнѣйшей своей редакціи это «Слово» проповѣдуетъ троеперстіе, а не двуперстіе; и послѣдовательность, въ которой здѣсь повелѣвается складывать персты, т. е. то, что «Слово» начинается наставленіемъ о сложеніи трехъ перстовъ, а потомъ уже переходить къ двумъ; и образъ самаго сложенія перстовъ, т. е. то, что здѣсь кромѣ *соединенія* трехъ перстовъ имѣть также мѣсто и «наклоненіе» или «*согбеніе*» двухъ перстовъ; все это указываетъ на троеперстіе, а не на двуперстіе, въ которомъ первенствующее мѣсто должны занимать два перста и въ которомъ «наклоненія» или «согбенія персту», т. е. приклоненія къ длани двухъ пальцевъ совсѣмъ не существуютъ.

Но вотъ въ сборникѣ инока Евфросина для крестнаго знаменія требуется уже двуперстіе. «Крестити и благословити: два долнѣе, а третій верхній къ долнума перстома... а два верховнѣйша, сими же двѣма благословити». Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о священническомъ благословеніи. Но изъ дальнѣйшихъ словъ наставленія явствуетъ, что точно такъ же подобасть и «креститися»: «креститися подобасть и благословити: персты три совокупивше низу, а два верхніе купно — тѣми благословити и креститися». Въ доказательство этого составитель статьи ссылается на изреченіе: «икже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да естъ проклятъ», и на Мелетія и Θεодорита — въ такомъ видѣ: «также и Мелентій Севастійскій и Θεодоритъ научають насъ». Но такъ какъ далѣе авторъ статьи никакого «наученія» съ именемъ Θεодорита не приводитъ, а ограничивается однимъ истолкованіемъ сказанія о Мелетіи, то его слова нужно понимать въ смыслѣ указанія, что «Θеодоритово слово» есть изъясненіе сказанія о Мелетіи, и что это изъясненіе нужно обращать въ пользу двуперстія. Именно, здѣсь сказано, что Мелетій будто бы сначала «показа персты *три*... посемъ *два совокупль*, а третій *пригну*, и благослови люди». Какъ мы знаемъ уже, у историка Θεодорита о Мелетіѣ сказано, что онъ, показавъ *три* перста, два изъ нихъ *пригнуль* = совокупивъ, и оставилъ *одинъ*. Согласно съ этимъ читалось и въ славянскихъ Прологахъ: «*три* показа, два *совокупль* (т. е. пригнуль — *ενωχῆται*), «сведши», ср. «свело пальцы»), *одинъ*

протягнувъ». Но еще въ Прологахъ XIV вѣка слово «протягнувъ» было измѣнено въ «пригнувъ»: защитники двуперстія воспользовались этимъ, чтобы словамъ «два совокупль» сообщить тотъ смыслъ, что два перста остались *протянутыми*. Отсюда и въ сборникѣ Евфросина сказано, что «третій пригну», т. е. одинъ изъ трехъ первыхъ и, очевидно, къ двумъ послѣднимъ.

Итакъ, относительно разсматриваемаго нами періода времени нужно сказать слѣдующее: въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка на Руси употреблялись двѣ формы перстосложенія, троеперстіе и двуперстіе. Когда защитники двуперстія изрекли: «аще кто не крестится двумя перстами, да есть проклять»,—тогда со стороны троеперстниковъ естественно раздалось отвѣтное: «аще кто не крестится тремя перстами, да будетъ проклять». Послѣ этого и двуперстники и троеперстники стали искать доказательствъ, каждый, конечно, въ свою пользу. Но кромѣ сказанія о Мелетіѣ, о которомъ читали въ Прологахъ и у Θεодорита, они ничего не нашли. Поэтому, одни протолковали его въ пользу троеперстія, другіе въ пользу двуперстія. Тѣмъ и закончился XV вѣкъ.

Въ XVI вѣкѣ замѣчается попытка сдѣлать двуперстіе «всеобдержнымъ» обычаемъ,—попытка со стороны церковной власти и частныхъ духовныхъ лицъ. Такъ, авторъ «Домостроя» еще въ первой четверти этого столѣтія внесъ «Θеодоритово слово» въ свое сочиненіе — въ буквальномъ изложеніи, но отъ себя пояснилъ, что «три перста равны»—это «крайній да два нижнихъ», а «два перста»—«средній и другой при немъ». Затѣмъ, Даниилъ митрополитъ (1522—1539) въ свой сборникъ словъ внесъ особое слово: «яко пріяхомъ преданія писанная и неписанная и да знаменуемъ лице свое крестообразно», въ которомъ въ защиту двуперстія приведены: а) извѣстное намъ свидѣтельство монаха Петра Дамаскина, жившаго въ XII вѣкѣ, и б) слово Θεодоритово, съ поясненіемъ, что здѣсь «три перста»—это: «большой да два послѣднихъ». Подъ вліяніемъ такой проповѣди начинается передѣлка и другихъ памятниковъ. Такъ, извѣстное «Преніе Панагіота», въ подлинной своей редакціи говорящее о троеперстіи, было передѣлано такъ: «чему не якоже мы крестимся... двѣма персты». Такая передѣлка, даже съ подчисткою въ словѣ «двѣма», впоследствии (1553 г.) внесена была и въ Магарьевскія Минеи за августъ мѣсяць.

Если митрополитъ Даниилъ нашелъ нужнымъ написать въ

защиту двуперстія особую статью и привести въ ней для его оправданія доказательства, т. е. историческія свидѣтельства, то отсюда, повидному, вытекаетъ то заключеніе, что значить въ то время троеперстіе еще крѣпко держалось въ православномъ русскомъ народѣ. Съ другой стороны, даже въ сборникѣ Данила, не говоря уже о раннѣйшихъ памятникахъ, двуперстіе еще не нашло того опредѣленнаго выраженія, съ какимъ, или въ какомъ оно нынѣ содержитсяъ старообрядцами. То и другое обстоятельство еще яснѣе и съ большею силою выступаетъ при разсмотрѣніи опредѣленія Стоглаваго собора (1551 г.).

Опредѣленія Стоглаваго собора изложены въ книгѣ «Стоглавникъ» или «Стоглавъ». Лучшія изданія этого памятника—Казанское 1862 года и особенно Московское 1890-го. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ онъ подвергался многократно и критическому обслѣдованію. Для насъ прежде всего возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли 31-я глава Стоглава, содержащая въ себѣ ученіе о двуперстіи, принадлежитъ Стоглавому собору? «Было время, когда сомнѣвались въ подлинности самой книги—Стоглавъ, и думали видѣть въ ней не соборное уложеніе, а только черновыя записки Стоглаваго собора, къмъ-то измѣненныя впослѣдствіи и дополненныя. Но нынѣ, когда сдѣлались извѣстными двѣ наказныя грамоты митрополита Макарія, писанныя имъ отъ лица Стоглаваго собора, одна къ бѣлому, а другая къ монашествующему духовенству Россіи, и заключающія въ себѣ цѣликомъ или только въ сокращеніи многія главы изъ Стоглава, какъ соборнаго уложенія, сомнѣваться въ подлинности этой книги было бы уже неразумно. А если такъ, то надобно признать подлинною и 31-ю главу Стоглава, не только потому, что она находится во всѣхъ спискахъ его, даже самыхъ древнихъ, но и потому, что она изложена также въ обѣихъ наказныхъ грамотахъ Макарія, писанныхъ отъ лица собора». Такъ въ 1875 году призналъ извѣстный историкъ русской церкви мятр. Макарій, самъ въ 1855 году державшійся мнѣнія о неподлинности Стоглава, и для насъ достаточно одной ссылки на этотъ авторитетъ, чтобы не входить въ разборъ существующихъ мнѣній о подложности книги Стоглавника. Съ полемической противъ раскола точки зрѣнія важно обратить вниманіе на другое обстоятельство, именно — на *изложеніе* 31-й главы Стоглава. Въ этомъ отношеніи, если внимательно разобрать эту главу, то въ ней окажется много такого, съ чѣмъ сами старообрядцы не согласятся,

какъ съ неправильнымъ, даже какъ съ еретическимъ, и что, во всякомъ случаѣ, весьма запутанно и крайне неосновательно. По отзыву «Поморскихъ отвѣтовъ», въ Стоглавѣ дано ясное и опредѣленное наставленіе въ пользу старообрядческаго двуперстія. Здѣсь читаемъ: «того освященнаго собора отцы, въ соборной ихъ книгѣ Стоглавъ, въ главѣ 31, послѣдствующе святымъ, древнее православіе утверждаху: на крестное знаменіе персты слагати, палець да два послѣднихъ во едино совокупити, а верхній персть со среднимъ совокупивъ, тѣми двѣма креститися и благословити. И соборнѣ подтверждающе древле-церковное запрещеніе, написаша: аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христось, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша». Сопоставляя этотъ отзывъ съ подлиннымъ текстомъ Стоглава, находимъ. Собственное наставленіе собора о двуперстіи излагается кратко: «большой палець да два нижніе перста во едино совокупивъ, а верхній съ среднимъ совокупивъ, простеръ и мало пагнувъ»; за этимъ изложеніемъ идетъ наставленіе, какъ должно полагать на себя крестное знаменіе, какъ молиться; далѣе кратко перечисляются свидѣтельства въ подтвержденіе двуперстія: мнимое проклятіе святыхъ отецъ на некрестящихся двуперстно, «достохвальное писаніе преподобныхъ отецъ Мелентія и Θεодорита» и «прочее толкованіе, како рукою благословляти и креститися»; подъ этимъ «прочимъ толкованіемъ» соборъ разумѣетъ то самое, которое извѣстно намъ по сборнику пнока Евфросіина 1490 года: текстомъ этого «толкованія», слова Θεодоритова и сказанія о Мелетіи—глава заканчивается. Такимъ образомъ, прежде всего оказывается, что Стоглавъ въ своемъ собственномъ наставленіи заповѣдуетъ не то двуперстіе, котораго держатся старообрядцы, такъ какъ требуетъ, чтобы указательный персть былъ мало *наклоненъ*, не говоря уже о томъ, что положеніе средняго оцъ совсѣмъ не опредѣляетъ. Затѣмъ, Θεодоритово слово Стоглавъ приводитъ въ первоначальной редакціи, которая заповѣдуетъ не двуперстіе, а троеперстіе. Далѣе, изъ сборника Евфросіина Стоглавъ приводитъ изреченіе: «три персты совокупити низу, а два верхніе купно», т. е. не указывая перстовъ, которые должны быть соединены внизу, Стоглавъ даетъ право и даже вынуждаетъ разумѣть тѣ именно персты *внизу*, которые находятся внизу кисти руки, а именно: мизинецъ, безымянный и средній,—а не называя поименно «два верхніе»

пальца, Стоглавъ, естественно, заставляетъ разумѣть подъ ними указательный и большой. Наконецъ, противорѣчія и несообразности заключаются и въ толкованіи Стоглавомъ смысла двуперстія. Такъ, приводя «толкованіе», извѣстное нынѣ по сборнику Евфросіина, соборъ принимаетъ: «креститися и благословити—два дольные, а третій верхній къ дольнымъ перстома; то же согбеніе персту толкуеть: преклонь небеса и сниде нашего ради спасенія; а два верхніе—сими же двѣма благословити въ божество и человѣчество»; здѣсь, какъ видимъ, всѣ пять перстовъ, какъ три, такъ и два, толкуются о второмъ лицѣ Св. Троицы; между тѣмъ, по ученію Θεодоритова слова, приводимаго Стоглавомъ, три перста обозначаютъ Св. Троицу; слѣдовательно, Стоглавъ противорѣчитъ и самому себѣ, и старообрядцамъ, которые три перста толкуютъ въ смыслѣ символа Св. Троицы. И нужно еще обратить вниманіе, какое хульное ученіе проповѣдуетъ Стоглавъ, соединяя эти два толкованія: Св. Троица, образуемая тремя перстами, преклонила небеса и сошла на землю ради нашего спасенія, т. е. воплотилась, жила на землѣ, пострадала, умерла и воскресла!

Ссылаясь на постановленіе Стоглаваго собора, какъ на имѣющее обязательное для всѣхъ значеніе, раскольники неизбежно должны поставить вопросъ—такъ ли относилась русская церковь къ опредѣленіямъ собора до 1667 года? Именно: принято ли было постановленіе собора о двуперстіи всею російскою церковію и соблюдалось ли какъ обязательное для нея? Нѣтъ,—не видимъ, чтобы послѣ 1551 года до самаго появленія раскола кто-либо ссылался на Стоглавъ въ подкрѣпленіе ученія о двуперстіи. Извѣстно, что на него не ссылались ни російскіе патріархи, ни Книга о вѣрѣ, ни Кириллова книга, ни Катихизисъ, ни Псалтирь Юсифовская, хотя всѣ эти книги говорили о двуперстіи. Всего любопытнѣе, что даже въ тѣхъ книгахъ, гдѣ собираются и приводятся свидѣтельства въ подтвержденіе двуперстія, какъ напр. въ Кирилловой книгѣ,—такое авторитетное свидѣтельство, какъ опредѣленіе Стоглаваго собора, совсѣмъ не проводится: ясно, что правило Стоглава о двуперстіи находилось въ забвеніи, не имѣло никакой обязательной силы.

Но говоря, что опредѣленіе Стоглаваго собора о двуперстіи въ ближайшее послѣдующее время не имѣло обязательной силы, мы не хотимъ этимъ сказать, что власть послѣ того уже не настаивала болѣе на двуперстіи. Въ данномъ случаѣ,

помимо спеціального полемическаго замѣчанія противъ раскола, мы хотимъ констатировать историческій фактъ—что троеперстіе въ то время сильно держалось въ православномъ народѣ. Это засвидѣтельствовалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ, когда сказалъ: «христіане рукою крестятся *не по существу*», что означало: «христіане рукою крестятся *не двумя перстами*, «какъ и поняли царя отцы собора, и потому постановили правило о двуперстіи для пастырей и мірянъ. И, замѣчательно, царь не сказалъ: «нѣкоторые христіане», а сказалъ вообще «христіане»: это показываетъ, какъ велико еще было тогда число держащихся троеперстія. Это засвидѣтельствовала и церковная власть, когда потребовала въ Стоглавѣ и въ Наказныхъ спискахъ, чтобы «протопопы и всѣ священники на себѣ воображали крестное знаменіе, такожь бы и дѣтей своихъ, всѣхъ православныхъ христіанъ, *научали и наказывали* ограждать себя крестнымъ знаменіемъ... двѣма персты». Исследователи справедливо указываютъ по этому поводу, что «поучаютъ и наказываютъ» обыкновенно тому, чего наказуемые и поучаемые не знаютъ и не дѣлаютъ: значить духовные дѣти протопоповъ и священниковъ, да и сами священники и протопопы не знали *дотолѣ*, или же, по крайней мѣрѣ, рѣдко употребляли двуперстіе, напротивъ—крестились троеперстно. А о чемъ, какъ не о томъ же, свидѣтельствуетъ противорѣчіе Стоглава съ приводимыми имъ свидѣтельствами о двуперстіи, т. е. противорѣчіе относительно формы послѣдняго, а также несообразности въ толкованіи его смысла!.. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли бы это случиться, если бы двуперстіе было у насъ дѣйствительно обычаемъ неизмѣнно существовавшимъ и единственнымъ съ самаго крещенія Руси? «Пять съ половиною столѣтій существуетъ обрядъ, пять съ половиною столѣтій русскіе люди крестятся исключительно двуперстно,—и однакожь авторитетнѣйшія лица въ Россійской церкви XVI вѣка не могутъ дать точнаго описанія этого перстосложенія, не имѣютъ о немъ вполне яснаго представленія, ни о формѣ его, ни о смыслѣ этой формы!».. Стоглавый соборъ не только оградилъ двуперстіе клятвою, но и предпринялъ мѣры къ его распространенью: м. Макарій разослалъ свои наказныя грамоты къ духовенству бѣлому и монашествующему, по всей Россіи, съ наставленіями о двуперстіи. И однако же есть свидѣтельства, что и теперь, не смотря па все вліяніе духовенства, ученіе о двуперстіи, особенно въ началѣ, не имѣло успѣха, что 3-перстіе продолжало

держаться не только въ простомъ народѣ, но и въ монастыряхъ.

Таково, во-первыхъ, свидѣтельство въ житіи преп. Александра Ошевенскаго. Житіе написано въ 1567 году, всего чрезъ 15 лѣтъ послѣ Стоглаваго собора, ученикомъ преподобнаго, священнопокомъ Θεодосіемъ. «Списатель» житія, повѣствуя объ одномъ изъ бывшихъ ему явленій преп. Александра, сопровождавшемся наказаніемъ за лѣность въ написаніи житія, говоритъ: «азъ же возбнувъ отъ видѣнія... и увѣдѣ бывшая надъ собою, яко десная рука моя ослабѣ, длань же о запыстин согнуся, *три же перста верхнихъ*, едва возмогохъ вмѣсто согнуты, *еже на лице свое крестное знаменіе вообразити*». Что здѣсь говорится о троеперстии, какъ обыкновенъ, общимъ тогда обрядъ перстосложенія для крестнаго знаменія, этого не отвергають даже сами раскольники. Сознавая особенную важность этого свидѣтельства, они стараются только заподозрить его подлинность. — Описимъ Швецовъ написалъ даже особое сочиненіе съ этою цѣлью. Полная несостоятельность его критики показана проф. Н. И. Субботинымъ въ статьѣ «Брат. Слово» за 1875 годъ: «Два примѣчательныя свидѣтельства древности о перстосложеніи для крестнаго знаменія». Изслѣдователемъ отмѣчена и самая *авторитетность* этого свидѣтельства. Θεодосій, священнопокомъ обители Александра Ошевенскаго, очевидно, не имѣлъ намѣренія приведенными словами учить кого либо троеперстію, или распространять и утверждать этотъ обрядъ; напротивъ, онъ безъ всякаго намѣренія, какъ бы мимоходомъ, описывая только постигшее его наказаніе, упоминаетъ о томъ, что считалъ для всѣхъ извѣстнымъ, — именно, что желая сотворить крестное знаменіе, едва могъ сложить потребныя для этого «три верхніе перста». Если бы троеперстіе не было въ то время общеупотребительнымъ на Руси обрядомъ, или по крайней мѣрѣ Θεодосій не считалъ бы его таковымъ, онъ не могъ бы такъ говорить о немъ своимъ читателямъ. — Онъ не могъ не понять, что читатели придуть въ недоумѣніе, зачѣмъ ему нужно было усиливаться сложить «три верхніе перста» для крестнаго знаменія, когда, напротивъ, требуется для этого сложить большой перстъ съ двумя нижними, и самое крестное знаменіе изобразить двумя перстами — указательнымъ и великосреднимъ. Очевидно, что двуперстіе, если и содержалось нѣкоторыми, большинству совѣмъ не было извѣстно.

Отсель, т. е. начиная съ третьей четверти XVI столѣтія до третьей включительно четверти XVII столѣтія идетъ цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, что въ теченіе этого столѣтія, не смотря на усилія власти церковной ввести въ общее употребленіе двуперстіе, народъ продолжалъ креститься троеперстно. Исслѣдователи не безъ основанія обрацаютъ здѣсь вниманіе на отличительную особенность этихъ свидѣтельствъ, которую составляетъ именно то, что «въ нихъ не содержится ни наставленія слагать такъ-то и такіе-то персты, ни строгаго требованія употреблять такое именно перстосложеніе, ни тѣмъ паче проклятія на неповинующихся такому требованію, — напротивъ, въ нихъ говорится о троеперстѣи большею частію мимоходомъ, случайно, говорится какъ объ извѣстномъ каждому обрядѣ, безъ особой какой-либо цѣли, безъ намѣренія распространить, или утвердить этотъ обрядъ, уже распространенный и утвердившійся въ русскомъ народѣ». Вотъ именно эта, если можно такъ выразиться, случайность, непреднамѣренность свидѣтельствъ о троеперстѣи, отсутствіе въ нихъ всякой тенденціозности, и сообщаетъ имъ особенную авторитетность, какъ свидѣтельствамъ историческимъ.

Таковы свидѣтельства двухъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ послѣдніе годы XVI и первые XVII столѣтія. — Петрей и Олеарія. Петрей, посланникъ шведскаго короля, былъ въ Россіи нѣсколько разъ — при Борисѣ Годуновѣ, въ смутное время и при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ; при этомъ послѣднемъ государѣ былъ не одинъ разъ въ Москвѣ и секретарь голштинскаго посольства Олеарій. Оба иностранца съ большимъ вниманіемъ изучали нравы и обычаи русскаго народа и съ признаннымъ безпристрастіемъ изложили свои наблюденія въ своихъ запискахъ о Россіи, и оба они свидѣлствуютъ, что русскіе въ то время крестились тремя первыми перстами. Въ авторитетности этихъ свидѣтельствъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Понятно, что иностранцы не имѣли никакого побужденія тенденціозно говорить въ пользу троеперстія, а просто передаютъ свои наблюденія, — записываютъ то, что видѣли въ Москвѣ, и видѣли не только въ боярскомъ и служебномъ кругу, съ которымъ имѣли ближайшія сношенія, но и у простаго народа, который интересовалъ ихъ еще болѣе, — Петрей прямо говоритъ о бѣдныхъ и богатыхъ. Эти записки Петрея и Олеарія напечатаны въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей руссійскихъ» за 1867 и 1868 годы.

Свидѣтельство о началѣ и концѣ 20-хъ годовъ XVII вѣка находимъ въ книгѣ извѣстнаго публициста Петровской эпохи крестьянина И. Т. Посошкова: «Зеркало, изъясляющее расколы». Это сочиненіе самимъ авторомъ было выпущено въ свѣтъ въ двухъ редакціяхъ, пространной и сокращенной: послѣдняя редакція читается въ изданіи Погодина (1863 г.), пространная—въ изданіи проф. Царевскаго (1899 г.). Посошковъ рассказываетъ, что около 1689 года, когда ему было лѣтъ 25, пришлось ему встрѣтиться съ вологжанномъ; посадкимъ человѣкомъ, Сергѣемъ Патрикѣевымъ, которому было тогда отъ роду болѣе 60 лѣтъ, который родился, значить, въ концѣ 20-хъ годовъ XVII вѣка, до московскаго мороваго повѣтрія (1654 г.) болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ. Среди разговора, безъ особаго къ тому повода, старикъ Патрикѣевъ сказалъ Посошкову: «азъ на своемъ роду въ сложеніи перстовъ нажилъ третью черемѣну: *изъ младенчества* моего отецъ мой и мати моя учили меня креститься *тремя* персты; а незадолго мороваго повѣтрія стали учить меня снова, еже бы двѣма персты креститься; а нынѣ-де паки *по прежнему* велятъ креститься тремя персты». Итакъ, вотъ новый свидѣтель, подтверждающій, что даже въ патріаршество Филарета отцы и матери еще учили дѣтей креститься троеперстно, и что только потомъ, «незадолго до мороваго повѣтрія», т. е. въ патріаршество Іосифа, когда распространены были книги съ наставленіемъ о двуперстіи, крестившихся троеперстно стали учить двуперстію. Что этотъ вологжанинъ, посадскій человѣкъ, въ данномъ случаѣ свидѣтель вполне авторитетный, лучше—достоверный, объ этомъ очень хорошо говоритъ самъ Посошковъ—этотъ русскій разумникъ: онъ указываетъ всѣ обстоятельства, которыя дѣлаютъ свидѣтельство Патрикѣева неподлежащимъ никакому сомнѣнію относительно его достоверности. «И я увѣрихся, пишетъ онъ, яко то есть правда: понеже той человѣкъ бѣ не книгочей и не спорщикъ, но самый мужъ праведный, и постоянный, и не краснословъ, и ни отъ кого о семъ не наученный, но отъ самаго простаго сердца ту истину изъяви, не по вопрошенію какову, но по разглагольству между иными». Не начетчикъ, ведущій споры съ раскольниками, не краснословъ, способный прилгать ради краснаго словца и съ какою-либо цѣлью, а правдивый и постоянный человѣкъ, безъ особаго побужденія, не вызванный нарочно сдѣланнымъ вопросомъ, а такъ, между прочимъ, между другими разговорами,

сообщаетъ о себѣ молодому человѣку, что на своемъ длинномъ вѣку онъ помнить три перемѣны перстосложенія: все это безусловно ручается за его показаніе, какое перстосложеніе употреблялось въ концѣ 1620 годовъ. Спустя нѣсколько времени послѣ встрѣчи съ Патрикѣевымъ, если не въ томъ же 1689, то въ 1690 году, Посошковъ имѣлъ уже разглагольство о перстосложеніи съ кѣмъ-то, вѣроятно съ старообрядцами, и въ разглагольствѣ этомъ упомянулъ о своей встрѣчѣ съ Патрикѣевымъ, — разсказалъ, что слышалъ отъ него о древности троеперстія. Присутствовавшій при этомъ «новгородецъ, посадскій человѣкъ, нарицаемый Ѳеодоръ, по прозванію Ташлыковъ, имый отъ рожденія своего вѣщи 70-ти лѣтъ, и того вологжанина старѣе лѣтъ десятию», — слѣдовательно родившійся около 1618—20 года, — «то мое слово слышавъ, — говоритъ Посошковъ, — рече: то-де правда, и мы-де со младенчества учены были креститься *тремя* же персты». Вотъ и новгородецъ подтверждаетъ слова вологжанина, — говоритъ, что онъ и его сверстники съ дѣтства учены были креститься троеперстно, что, значить, троеперстіе было тогда въ простомъ народѣ общераспространеннымъ обычаемъ. А что Посошковъ сообщаетъ вѣрное извѣстіе, что самъ онъ свидѣтель достовѣрный, въ этомъ могутъ убѣдить каждаго не только признанная честность его, но и клятвенное увѣреніе: «аще... азъ сіе извѣстіе вѣщахъ своимъ вымысломъ... да прииму я часть со лженачальникомъ діаволомъ въ вѣчномъ мученіи».

Далѣе, въ 1656 году, патріархъ Никонъ, какъ видно изъ его «Отвѣщательнаго слова», напечатаннаго въ «Скрижали», свидѣтельствовалъ, что въ то время «многіе изъ простыхъ мужей и всѣ женщины» крестились еще троеперстно. Такъ какъ Никонъ говорилъ это предъ цѣлымъ соборомъ русскаго духовенства, то очевидно онъ указывалъ на факты и притомъ извѣстные его слушателямъ: говорить неправду и потому «Слово» это еще печатать Никонъ не могъ, ибо каждый слушатель и читатель могъ обличить невѣрность его сообщеній. Спустя десять лѣтъ послѣ этого, архипастыри русской церкви, бывшіе на соборѣ 1666 года въ своемъ «соборномъ наставленіи» засвидѣтельствовали о троеперстіи: «отцы наши, и дѣды, и прадѣды, издревле, другъ отъ друга приѣмлюще, тако знаменахуса, якоже и нынѣ видимъ мужей поселянъ, неизмѣнно отъ древняго обычая тако знаменающихся тремя первыми персты». Справедливость этого заявленія подтвердили и

сами первые расколуучители. Особенно любопытно и важно свидѣтельство діакона Оеодора. Имѣя въ виду сказанное въ «Скрижали» и отцами собора 1666 года, онъ писалъ въ челобитной царю этого же года: «Въ сложеніи перстовъ въ знаменіи крестномъ ссылаются нынѣ на деревенскихъ мужиковъ земледѣлателей. Уже отъ свѣта во тьму идутъ... Духовнии власти... перенмають у поселянь... Забыли писаніе, глаголющее: «держай орало, когда умудрится»... Како не срамъ имъ такія слова глаголати? Да еще архіереомъ сущимъ, а на простыхъ мужиковъ ссылатися! А нынѣ глаголетъ: у меня такъ бабушка крестилась и меня учила! Другой же глаголетъ: у меня такъ дѣдушко! А нынѣ: у мена такъ матушка! Воистину, отъ истины слухъ отвращають и къ баснемъ уклоняются». Діаконъ Оеодоръ глумится надъ духовными властями, сдѣлавшими въ рѣчи о перстосложеніи такую ссылку; съ презрѣніемъ отзывается и о самихъ простолюдинахъ, и о всѣхъ, кто ссылается въ этомъ вопросѣ на предковъ, на преданіе. «Но книжникъ XVII вѣка въ своей гордой книжности не понялъ, что онъ въ своихъ глумленіяхъ даетъ только подтвержденіе засвидѣтельствованной Никономъ и соборомъ 1666 года древности и распространенности у насъ троесперстія даже въ началѣ второй половины XVII вѣка». Онъ не отрицаетъ здѣсь, что въ то время многіе поселяне крестились троесперстно; онъ добавляетъ даже, что и не одни поселяне крестятся такъ, какъ ихъ научили креститься дѣдушка, бабушка, матушка, т. е. троесперстно; онъ подтверждаетъ также, что если держится еще троесперстіе, то это—остатокъ старины; онъ только, повидимому—вопреки здравому смыслу, а на самомъ дѣлѣ— ради защиты раскола, не придаетъ никакого значенія этому неизмѣнному слѣдованію древнимъ обычаямъ предковъ, видитъ въ немъ «шествіе отъ свѣта въ тьму»; но для насъ его слова важны какъ историческое свидѣтельство...

Итакъ, съ третьей четверти XVI вѣка по третью четверть XVII-го еще крѣпко держалось въ народѣ троесперстіе. Но церковная власть продолжала, какъ бы по примѣру Стоглаваго собора, настаивать на двусперстіи, хотя и не слѣдовала точному наставленію этого собора, да прямо и не указывала на него. Первое этого рода свидѣтельство относится къ 1589 году и принадлежитъ первому російскому патріарху—Іову. Въ 1587 году грузинскій царь Александръ II обратился въ Москву съ просьбою о помощи противъ невѣрныхъ. Митрополитъ грузин-

скій Николай также писалъ сюда за наставленіями по вопросамъ церковнымъ. Отвѣтомъ на запросы изъ Грузіи было два посланія п. Іова: одно на имя Александра, другое — митрон. Николая. Въ посланіи къ послѣднему и находится наставленіе о двуперстїи. Въ первый разъ ссылка на это посланіе была сдѣлана еще въ «Поморскихъ отвѣтахъ»: но учеными этотъ памятникъ сталъ обслѣдываться лишь послѣ того, какъ въ 1869 году былъ напечатанъ по рукописи Софійской бібліотеки въ въ «Христ. Чтеніи». Уже въ 1870 году на страницахъ «Православнаго Собесѣдника» была сдѣлана попытка подвергнуть сомнѣнію подлинность свидѣтельства въ этомъ посланіи о перстосложеніи. Впослѣдствіи нѣкоторые пошли далѣе и заподозривали подлинность *всего* посланія патр. Іова. Однако справедливость требуетъ сказать, что доводы этого рода нельзя назвать основательными. Важнѣйшіе изъ этихъ доводовъ суть тѣ, которые основаны на «грамматикологическомъ построении» этого свидѣтельства о двуперстїи—«нестройномъ, безграмотномъ», представляющемъ, по выраженію критиковъ, «малообдуманную сумятицу словъ и понятій». Однако этому недостатку, если бы мы даже и допустили его, есть надлежащее объясненіе. Дѣло въ томъ, что посланіе появилось въ такое время, когда не были извѣстны ни искусственная стройность рѣчи, ни правильное построеніе предлоложеній, равно какъ и орфографія и система знаковъ препинанія. Впрочемъ, наставленіе о двуперстїи выражено въ посланіи такъ, что если поставить знаки препинанія, то все окажется въ немъ, по возможности, яснымъ и понятнымъ. Отрывокъ посланія, касающійся перстосложенія, читается такъ: «молящеся, креститися подобаеть двѣма персты. Прежде положити на чело, таже и на перси, потомъ же на плечо правое, таже и на лѣвое. Согбеніе персту именуеть сошествіе съ небесъ: а стоящій персть указуеть вознесеніе Господне; а три персты держати равны—исповѣдуемъ Троицу нераздѣльну». Если въ словѣ «персту» допустить ошибку переписчика и прочитать «согбеніе перста», то въ этой тирадѣ насколько будетъ понятно построеніе, настолько же ясна и мысль. Сначала общее положеніе: «креститися двѣма персты»; потомъ слѣдуетъ раздѣльное указаніе, какъ полагать крестное знаменіе: на чело, перси, и плечи; а далѣе дано толкованіе положенія двухъ и трехъ перстовъ: три соединены во имя Троицы, а изъ двухъ: стоящій знаменуеть вознесеніе Господне, а «согбенный»—своимъ наклоненіемъ ука-

зываетъ на «преклоненіе небесъ» и сошествіе на землю Сына Божія. Вообще, вопросъ о подлинности «вставки» о перстосложеніи въ посланіи Іова, равно какъ и вопросъ о подлинности самаго посланія долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Точно также не можетъ быть принята попытка разъяснить наставленіе Іова не смыслѣ двуперстія. Такую попытку сдѣлалъ покойный профессоръ Н. И. Барсовъ въ брошюрѣ «Какъ училъ о крестномъ знаменіи п. Іовъ». По его словамъ, Іовъ училъ креститься и единоперстно, и двуперстно, и троеперстно; при этомъ авторъ добавляетъ, что путаница или «сумятица словъ и понятій» въ наставленіи Іова происходитъ и должна происходить только у тѣхъ, кто хочетъ видѣть въ немъ указаніе на *одно* перстосложеніе. Мнѣніе это, однако, не таково, чтобы требовалось на немъ долго останавливаться. Въ частности, неизвѣстно, употреблялось ли когда-либо на Руси единоперстіе, и во всякомъ случаѣ не употреблялось въ концѣ XVI вѣка: что же побудило Іова рекомендовать эту форму для крестнаго знаменія на ряду съ троеперстіемъ и двуперстіемъ, и притомъ рекомендовать православнымъ жителямъ Грузіи, гдѣ тогда еще сохранились остатки монофизитства, издревле употреблявшаго единоперстіе? Авторъ разбираемой брошюры указывалъ еще на то, что патр. Іовъ жилъ задолго до собора 1667 года, рѣшившагося установить *одну* форму перстосложенія въ видѣ троеперстія; но онъ забывалъ, что Іовъ жилъ послѣ Стоглаваго собора, съ клятвою узаконившаго двуперстіе, т. е. именно *одну* форму для крестнаго знаменія и даже для благословенія.

Стоглавый соборъ въ собственномъ своемъ наставленіи о двуперстіи заповѣдалъ имѣть наклоненнымъ указательный персть; старообрядцы, напротивъ, наклоняютъ великосредній палець; теперь, какой же палець слѣдуетъ наклонять по наставленію Іова? Изъ текста посланія не видно этого. Изъ двухъ предположеній въ одномъ Іовъ будетъ противорѣчить Стоглавому собору, въ другомъ старообрядцы—Іову, какъ и Стоглаву. Съ другой стороны, если допустить, что форма двуперстія у Іова та же самая, какую содержатъ старообрядцы, то обнаружится несогласіе въ символическомъ знаменованіи. По ученію старообрядцевъ, указательный персть означаетъ божество Иисуса Христа, а великосредній человѣчество; а по наставленію патр. Іова, «стояцій» персть, т. е. указательный означаетъ человѣчество Христово, такъ какъ онъ указываетъ воз-

несеніе Господне, которое совершилось не по Божеству вездѣ-сущему, а по человѣчеству; напротивъ, «согбенный» перстъ, т. е. великосредній, по Іову, знаменуетъ Божество Христово, которымъ Онъ, преклонивъ небеса, сошелъ на землю ради нашего спасенія.

Итакъ, разсмотрѣніе посланія Іова приводитъ къ тому заключенію, что самъ патріархъ Іовъ, какъ и многіе изъ тогдашнихъ книжныхъ людей, употреблялъ и требовалъ употреблять двуперстіе; но при этомъ надо помнить, что его наставленіе не было усвоено впоследствии. Что дѣйствительно и раскольники не могутъ сослаться на Іова, это доказалъ составитель «Поморскихъ отвѣтовъ», который не рѣшился привести подлинныхъ выраженій посланія патріарха, а ограничился общимъ указаніемъ: «сей патріархъ Іовъ, въ посланіи своемъ въ Грузинскую землю также повелѣваетъ знаменатися двѣма персты». Денисовъ, какъ видимъ, употребилъ хитрый пріемъ, но вѣдь это недостаточно для того, чтобы успокоить совѣсть безпристрастнаго старообрядца.

Что и въ XVII вѣкѣ церковная власть настаивала на двуперстіи, это доказываетъ, прежде всего, фактъ 1627 года, когда былъ изданъ такъ называемый «Большой Катихизисъ». Это — южнорусское произведеніе, напечатано въ Москвѣ по благословенію патр. Филарета, съ исправленіями, какія нашли здѣсь необходимыми. Между прочимъ, исправленіе было допущено и относительно сложенія перстовъ. Вотъ что напечатано здѣсь: «*Вопросъ*: како на себѣ достоятъ намъ честный крестъ полагати и знаменатися? *Отвѣтъ*: сице знаменаемъ имъ: *сложивше убо три персты* десныя руки и *возлагаемъ* на чело, таже на животь и на десное и на лѣвое рамо». Такимъ образомъ, здѣсь прямо говорится, что для изображенія на себѣ крестнаго знаменія слѣдуетъ *сложить три перста* правой руки и *возлагать* ихъ на чело, животь и плечи. Это наставленіе о троеперстіи, столь ясно выраженное, и есть подлинное ученіе Большаго Катихизиса, принадлежащее его автору Лаврентію Зизанію. Сами исправители Катихизиса не дерзнули исключить его, — они только вслѣдъ за сямъ сдѣлали попытку объяснить отвѣтъ о троеперстіи въ пользу двуперстія, но попытку весьма неудачную. На вопросъ: «како сіе бываетъ»? — они приводятъ вмѣсто отвѣта Θεодоритово слово въ позднѣйшей редакціи: «*три персты* равно имѣти, великій со двѣма малыми, вкунѣ *слагаемъ*». Здѣсь очевидно намѣре-

ніе объяснить сказанное въ предыдущемъ отвѣтѣ. Но развѣ кто-либо изъ крестьящихся двуперстно *возлагаетъ* на себя эти три перста, т. е. великій и два малые? Несомнѣнно, что такъ не дѣлали и исправители Катихизиса. И однако же, не принявъ этого во вниманіе, а припомнивъ только, что и въ «Словѣ Θεодорита», даже той редакціи, которая благопріятствуетъ двуперстію, наставленіе о перстосложеніи начинается также повелѣніемъ слагать три перста, они объясняютъ и въ Катихизисѣ ясный отвѣтъ о троеперстіи въ пользу двуперстія, съ явнымъ противорѣчіемъ его дѣйствительному смыслу. Такъ явились въ Катихизисѣ два противорѣчащія одинъ другому отвѣта о перстосложеніи. Уже по этому одному раскольники не могутъ сослаться въ свою защиту на эту книгу. Кромѣ того и отвѣтъ Катихизиса — по Θεодоритову слову — о двухъ перстахъ не оправдываетъ двуперстіе старообрядцевъ, ибо здѣсь сказано: «два перста имѣти *наклоненны*, а не простерты».

Только уже въ *Псалтири 1641 года* встрѣчаемъ *первое точное* наставленіе о двуперстіи, т. е. такое наставленіе, котораго держатся доселѣ раскольники; книга эта печаталась съ 9 сентября по 15 ноября 1641 года, слѣдовательно въ междупатріаршество — Іоасафъ умеръ, а Іосифъ не былъ еще посвященъ — и была издава «повелѣніемъ» свѣтской власти, царя. При патр. Іосифѣ наставленіе о двуперстіи было напечатано уже въ нѣсколькихъ книгахъ. Сюда прежде всего относятся Псалтири — Слѣдованная (1642 г.) и Учебная (1645 г.). Тогда, видимо, старались чрезъ молодое поколѣніе, учившееся по Псалтири, провести двуперстіе въ простой народъ, въ средѣ котораго непрерывно, даже послѣ опредѣленія Стоглаваго собора, продолжало существовать троеперстіе. Съ цѣлью дать именно точное наставленіе о двуперстіи, при изданіи южно-русскихъ произведеній іосифовскіе справщики позволяли себѣ дѣлать дополненія и передѣлки. И однакожь и здѣсь получились не совсѣмъ удачные результаты. Такъ, при перепечатаніи «Малаго Катихизиса» (1649 г.) наставленіе о троеперстіи, содержащееся въ кievскомъ изданіи этой книги (1645 г.) было передѣлано на ученіе о двуперстіи, но при этомъ оба перста указано держать *простертыми*, вопреки требованію іосифовскихъ Псалтирей, чтобы великосредній перстъ былъ «мало наклоненъ»; при изданіи Кирилловой книги (1644 г.) нужныя дополненія и разъясненія въ южно-русскомъ памятникѣ

были сдѣланы удачно, но въ той же Кирилловой книгѣ было напечатано сказаніе Максима Грека о двуперстіи, требующее исключительно *протяженія* двухъ перстовъ. Такимъ образомъ, древность ссылки раскольниковъ въ пользу содержамаго ими двуперстія не восходитъ далѣе 1641 года, да и напечатанныя послѣ этого уважаемая ими книги не всегда оправдываютъ ихъ...

VIII.

Какое перстосложеніе употреблялось въ Кіевской Руси?

Во всѣхъ здѣшнихъ учительныхъ книгахъ, начиная съ конца XVI вѣка и до половины XVII вѣка предписывается къ употребленію двуперстіе. Перечень этихъ книгъ можно читать въ сочиненіи проф. Каптерева: «Патріархъ Никонъ и его противники». Однако, — по основательному разъясненію проф. Е. Е. Голубинскаго, — это не значитъ, что въ Кіевской Руси и на самомъ дѣлѣ всѣми употреблялось двуперстіе. Напротивъ, вопреки существовавшему троеперстію, наставленіе въ пользу двуперстія было заносимо въ учительныя здѣшнія книги лишь вслѣдствіе чисто случайной причины. Около 1585 года въ Кіевской Руси было напечатано слово Максима Грека о крестномъ знаменіи, говорящее, какъ извѣстно, о перстосложеніи двуперстномъ, а не троеперстномъ. Это слово, какъ полагаютъ, заставило кіевскихъ ученыхъ думать, что троеперстіе явилось у грековъ въ очень позднее время, не ранѣе половины XVI вѣка, т. е. послѣ Максима Грека. Сдѣлавши этотъ ошибочный выводъ, ученые и стали на сторону двуперстія. Точнѣе сказать, во всѣхъ кіевскихъ книгахъ мы читаемъ одну и ту же статью, которая была напечатана около 1585 года. «Что же касается того, какъ было въ кіевской Руси до и послѣ появленія этихъ наставленій на самомъ дѣлѣ, т. е. какъ было съ перстосложеніемъ въ народѣ или у народа, то мы имѣемъ прямое свидѣтельство извѣстнаго діакона Павла Алепскаго, которое увѣряетъ, что всѣ крестились здѣсь троеперстію, и которое даетъ намъ право по крайней мѣрѣ предполагать, что троеперстіе было здѣсь господствующимъ». Отсюда и авторъ Большаго Катихизиса предписывать троеперстіе, т. е. внесъ такое перстосложеніе въ свою книгу, которое на самомъ дѣлѣ употреблялось въ Кіевской Руси. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила въ свою книгу «Православное исповѣданіе», одобрен-

ную соборами Кіевскимъ и Яскимъ 1643 года, а вскорѣ и всѣми восточными патріархами, вопреки болѣе раннимъ учительнымъ книгамъ кіевскимъ, также внесъ наставленіе о троеперстїи, и это не произвело въ Кіевѣ никакихъ волненій...

IX.

Перстосложеніе для іерейскаго и архіерейскаго благословенія въ греческой и русской церквахъ ¹⁾.

Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, въ началѣ V вѣка уже существовалъ обычай преподавать благословеніе чрезъ начертаніе благословляющимъ на головѣ благословляемаго знаменія креста. Дѣлалось это однимъ перстомъ. Но затѣмъ, не позднѣе начала VII вѣка, явилось у епископовъ для благословенія народа опредѣленное пѣсколькоперстіе. Объ этомъ говоритъ Софроній, патріархъ іерусалимскій, скончавшійся между 634—644 годами. Въ своемъ толкованіи на церковныя службы Софроній говоритъ, что «благословеніе епископомъ народа послѣ чтенія евангелія указываетъ на будущее пришествіе (Господа) въ 6505 году». Слова эти точнѣе, со стороны ихъ смысла, воспроизведены у патріарха константинопольскаго Германа (VIII в.), который говоритъ: «Благословеніе архіереемъ народа указываетъ на будущее пришествіе Христова чрезъ числительное употребленіе перстовъ, означающее число шесть тысячъ пятисотное». По свидѣтельству латинскаго писателя (VII в.) Беды, для полученія въ ручномъ счетѣ числа шесть тысячъ пятьсотъ нужно сложить большой палецъ съ малымъ среднимъ. Такое перстосложеніе для благословенія, т. е. въ которомъ большой палецъ былъ соединяемъ съ безымяннымъ, дѣйствительно, существовало. По формѣ оно обозначало крестъ. Это видно изъ свидѣтельства Іоанна Скилицы. О патріархѣ константинопольскомъ Михаилѣ Керуларіи Скилица говоритъ, что когда патріархъ скончался (въ 1058 г.), то персты правой его руки, сложенные крестовидно, какъ обычно благословлять при возглашеніи народу мира, въ этомъ положеніи и остались, не измѣнившись съ омертвѣніемъ тѣла. По этому свидѣтельству, перстосложеніе крестовидное или крестовое, очевидно, было такое персто-

¹⁾ Последній ученый сводъ историческихъ данныхъ по этому вопросу сдѣланъ проф. *Е. Е. Голубинскимъ*.

сложеніе, въ которомъ тѣ или другіе персты складывались такъ, что изъ нихъ составлялся крестъ. Слѣдовательно, и у патр. Софронія и Германа говорится о такомъ перстосложеніи, которое при посредствѣ большого и безымяннаго пальца образовывало крестъ. Иначе говоря: крестовидное перстосложеніе для благословенія, явившееся около или не позднѣе начала VІІ вѣка, было такое перстосложеніе, въ которомъ три перста: указательный, большой средній и мизинецъ протягивались, а два перста: палецъ и малый средній крестовидно полагались одинъ на другой, какъ это теперь въ благословеніи именованномъ.

«Крестовидное перстосложеніе превращено въ именованное такимъ образомъ, что изъ двухъ протянутыхъ перстовъ—указательнаго и большого средняго, второй былъ нѣсколько нагнутъ. Можно думать, что первоначально это измѣненіе было сдѣлано не съ тою мыслию, чтобы превратить перстосложеніе въ именованное, а съ тою, чтобы превратить его въ двукрестовое или двукрестное, и что только потомъ уже было усмотрѣно въ двухъ крестахъ съ нагнутымъ мизинцемъ именованное, значеніе каковаго и было ему усвоено?» Случилось это не позднѣе первой половины XV вѣка. «Въ 1458 году однимъ афонскимъ живописцемъ, іеромонахомъ Діонисіемъ изъ Фурны Аграфской, было написано руководство къ церковной живописи подъ заглавіемъ «Наставленіе живописцамъ въ отношеніи къ церковной живописи». Въ этомъ руководствѣ читается нарочитое и обстоятельное предписаніе, что благословляющую руку должно изображать именованно». Прямое и ясное свидѣтельство объ употребленіи въ Греціи именованнаго перстосложенія для благословенія принадлежитъ Навплійскому протопопу Николаю Малаксѣ, жившему, по однимъ, въ XVI, а по другимъ даже въ XV вѣкѣ; свидѣтельство это помѣщено въ изданной патр. Никономъ (въ 1656 г.) Скрижали.

«Что сложеніе перстовъ для благословенія крестовидное, явившееся у грековъ не позднѣе первой половины VII вѣка, переходило къ намъ-русскимъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Почти всѣ наши митрополиты періода домонгольскаго были греки и, конечно, употребляли для благословенія то самое сложеніе перстовъ, которое употреблялось въ Греціи. Въ свою очередь епископы наши, родомъ русскіе, могли употреблять только то перстосложеніе, которое употребляли митрополиты, потому что принятіе ими какого-нибудь своего особаго персто-

сложенія представляло бы собою нѣчто совершенно немислимое». Переходило ли къ намъ отъ грековъ перстосложеніе именованное, положительно сказать нельзя, такъ какъ не извѣстно, когда оно у нихъ явилось. Однако возможно предположить, что оно явилось у грековъ ранѣе 1458 года, съ котораго становятся извѣстнымъ намъ; и въ такомъ случаѣ указываютъ, что съ 1408 по 1431 годъ, въ продолженіи 23 лѣтъ, русскимъ митрополитомъ былъ грекъ Фотій, послѣдній изъ грековъ; Фотій и могъ перенести къ намъ именованное перстосложеніе.

Во всякомъ случаѣ, сохранилось непререкаемое свидѣтельство, что въ первой половинѣ XV вѣка у насъ, какъ и въ Греціи, употреблялись *два* различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, другое для крестнаго знаменія, — свидѣтельство, которое должно имѣть полную силу и для послѣдователей Стоглава. Въ Степенной книгѣ, пересмотрѣнной и дополненной подъ непосредственнымъ руководствомъ самого митрополита Макарія, и даже по списку ея, писанному еще при его жизни, два раза изложенъ слѣдующій рассказъ. Однажды митрополитъ Фотій (1408—1431) посѣтилъ Симоновскую обитель и, обходя монастырскія службы, зашелъ въ пекарню и здѣсь увидѣлъ инока Юну, который незадолго предъ тѣмъ отъ многого труда, воздержанія и непрестанной молитвы уснулъ, и «десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословяше ею. Святитель со удивленіемъ зряше нашь и не повелѣ никомуже разбудити его; и, пророчествуя о немъ, глаголаше: разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Юна будетъ великъ святитель во странахъ русскія земли», что впоследствии и исполнилось. Почему это митр. Фотій удивился при видѣ спящаго Юны? Почему изрекъ пророчество, что Юна будетъ великимъ святителемъ? Потому единственно, что Юна, простой инокъ, немѣвнѣйшій права благословлять, держалъ десную руку свою «согбену, яко благословяше ею». Иначе какъ же Фотій могъ бы узнать по согбенію руки Юны, что онъ «яко благословяше ею», если бы перстосложеніе святительское и іерейское для благословенія не отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія, а было одно и то же? Въ такомъ случаѣ Фотию, при видѣ спящаго Юны, всего естественнѣе могло бы придти на мысль, что, вѣрно, инокъ, какъ молился предъ сномъ, такъ и заснулъ, усталый, съ тѣмъ же молитвеннымъ перстосложеніемъ, и не было бы повода ни удивляться, ни

предсказывать о будущемъ святительствѣ Іоны. Такимъ образомъ, необходимо согласиться, что во дни митрополита Фотія, который, какъ извѣстно, пришелъ къ намъ изъ Греціи и хорошо зналъ обычаи греческой и русской церкви, въ той и другой дѣйствительно употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія.

Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ «Теодоритова слова» и сборника Евфросина церковная власть стала настаивать на *одной* формѣ перстосложенія — какъ для крестнаго знаменія, такъ и для благословенія, т. е. на двуперстіи ¹⁾.

П. Смирновъ.

¹⁾ Въ дальнѣйшихъ статьяхъ будетъ сдѣланъ очеркъ полемики о перстосложеніи въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ, православной и раскольнической.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки